

УДК 304.2

ЗАПАДНЫЙ ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ ЛОКАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ К ГЛОБАЛЬНОМУ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.074

Гуманизм – это европейский проект, который уже давно подвергается критике многими известными философами. Они говорят о кризисе гуманизма, о сворачивании проекта и даже о его самоотрицании. Моя точка зрения такова: с одной стороны, гуманизм как проект есть воображаемая реальность и объект веры; с другой, гуманизм – общественно-политическая реальность, потому что он реализуется через инструмент власти. В силу двойственности своей природы он не может быть воплощен в жизнь полностью, как только позитивная данность. Данная статья – попытка показать, что из локального европейского (западного) проекта гуманизм превращается в универсальный проект, а негативные последствия его реализации связаны с отсутствием или слабостью моральной составляющей, такой как гуманность.

Ключевые слова: гуманизм, локальный гуманизм, гуманность, философия культуры.

Смысл термина

Сегодня много пишут о научно-техническом прогрессе, с восторгом говоря об успехах человеческого разума, но при этом часто выражаются опасения по поводу самых различных последствий прогресса, а именно о его влиянии на психологическое состояние индивида, о возможности потери работы в силу того, что техника замещает человека на его рабочем месте. Наиболее трагические перспективы связываются с совершенствованием средств массового поражения, что является неотъемлемым продуктом научно-технического прогресса. Оценивая особенности общественно-политических изменений за последние тридцать лет, ученые стали употреблять такие понятия, как христианский гуманизм, атеистический (секулярный) гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм. Так или иначе авторы выходят на тему гуманизма в современных обществах и культурах, говорят о гуманизме в политике, гуманности взаимоотношений. Возникает даже вопрос о том, имеет ли вообще гуманизм смысл сегодня в условиях трансформации культур и активной миграции населения земного шара. Полагаю, что прежде, чем ответить на этот вопрос, следует попытаться выяснить, в каком смысле употреб-

ляется сегодня термин «гуманизм» хотя бы в современной философской отечественной мысли, а затем обратиться к истории данного термина.

То, что данное понятие является очень емким и неоднозначным, говорит хотя бы тот факт, что даже в рамках отдельно взятого текста оно употребляется по-разному. В качестве наглядного примера можно обратиться к статье авторитетного российского философа И.Т. Фролова «Человек. Философия. Гуманизм» [3]. С одной стороны, автор делает акцент на том, что в 60–80-е гг. проблема личности и гуманизма в отечественной философии выступает как важнейшая и дает емкое определение этому понятию, согласно которому гуманизм выступает *«как система духовных ценностей»* (курсив мой. –И.Ф.), в которой приоритет человека является определяющим» [1, с. 19]. Далее автор справедливо указывает, что в философии, науке и культуре «гуманизм провозглашается и как политический принцип, как стратегическая цель общественного развития (курсив мой. – И.Ф.), хотя во многом это было чисто декларативным, «двоемыслием» и лицемерием даже» [1, с. 19]. Оценивая состояние философии в СССР, И.Т. Фролов особо отмечает: «В отечественной философии в 60–80-х годов прочно утвердилась мысль, что осуществление *гуманистических идеалов* (курсив мой. – И.Ф.) не может быть отложено на отдаленную перспективу» [1, с. 20]. В.А. Лекторский дает свое понимание гуманизма и поясняет, развивая мысль своего коллеги: «Гуманизм как идеал предполагает ценность индивидуальной человеческой жизни, признание достоинства и свободы человека, возможность и необходимость его самосовершенствования. Иными словами, это вера в человека и его возможности, т. е. это светский идеал» [1, с. 21].

А далее, когда И.Т. Фролов обосновывает свой взгляд на общественный и технический прогресс, то приходит к выводу, что «сам процесс общественного развития по сути своей должен быть процессом роста и вызревания гуманистических начал, уважения к правам и достоинству личности, к ее свободе. В противном случае не имеют смысла все рассуждения о прогрессе» [1, с. 21].

Итак, если даже ограничиться приведенными интерпретациями термина «гуманизм», то становится очевидным, что данное понятие выступает одновременно и как воображаемая реальность (ценности, идеалы, принципы, цели), и как конкретная практическая деятельность, создающая нормы, законы, на основании которых принимаются политические решения и напрямую регулируется повседневная жизнь человека. Более того, в эту воображаемую реальность люди верят потому, что в нее верит большинство. В противном случае они не стали бы подчиняться законам и соблюдать нормы.

Хотелось бы обратить внимание на суждение П.С. Гуревича, озвученное в статье «Парадоксы современного гуманизма»: «гуманизм – это требование “гуманного” человеческого отношения к ближнему, ко всякому человеку» [1, с. 132]. Не вполне согласна с таким определением. Гуман-

ность – это, скорее, этическая категория. Гуманизм, как я понимаю смысл данного термина, представляет собой европейский (западный) культурно-политический проект, стимулирующий индивидуальное развитие личности посредством образования и науки, а также ставящий целью такое преобразование общественно-политических институтов, которое могло бы гарантировать людям защиту и материальное благополучие через реализацию их личных прав и свобод на основе идеи равенства перед законом. Установка на индивидуализм и вера в прогресс человека и общества – важнейшие идейные основания проекта. При этом научно-технический прогресс мыслится как ипостась и даже критерий прогрессивности общества. Это если говорить кратко. Хочу заметить, что наука, в частности экспериментальная, рассматривается как инструмент проникновения в тайны природы с целью ее эффективного использования для нужд человека. Политическая власть – тоже инструмент, который в большей мере определяет специфику жизни человека в рамках правового поля, но также влияющий на степень развития науки, потому что посредством выделения денежных средств развиваются те исследования, которые считаются перспективными и приоритетными.

Теперь о гуманности. Практика показывает, что реализация европейского проекта под названием «гуманизм» не обязательно сопровождается гуманностью, как это не странно звучит, ни по отношению к европейскому обывателю (во внутренней политике), ни по отношению к жителям колоний (во внешней политике). Вера в силу разума Человека, а не в силу его чувств, питает этот проект.

Однако абстрактного человека не существует. Почему гуманизм в каком-то смысле можно назвать воображаемой реальностью? Потому что это проект, в который уверовали люди в силу его возвышенности и привлекательности; ведь его реализация дает заманчивую перспективу роста собственной власти над природой и сулит благоденствие уверовавшим. Человек превозносится в этом проекте как представитель рода, без учета его этнической и религиозной принадлежности. Но общественно-политическая жизнь всегда конкретна, имеет дело с определенными людьми, проживающими на территории конкретного государства; эти люди принадлежат к разным стратам, которые складываются в общественную иерархию, что предполагает привилегии, а также неравенство материальных и иных возможностей. И вот здесь заложена «странность» гуманизма: желаемые высшие ориентиры, которые он провозглашает, не могут в полной мере реализоваться на практике и даже могут вступать в противоречие с политическими и практическими реалиями. Обращение к истории поможет нам это почувствовать.

Священное Писание ценило человека достаточно высоко, распознав в нем образ Божий и венчав им иерархию живых существ. Христианство провозгласило равенство людей, независимо от их национальной или, как сегодня говорят, этнической принадлежности, перед единым

Богом. Христианство не отрицало свободу личности, его творческие способности. Однако, как всякая религия, христианство все же делило людей на две категории: тех, кто принял истины Библии, и тех, кто их не разделяет. При всем своем универсализме христианства такое положение дел сохранялось: есть «свои» по вере и есть «чужие», которые потенциально могут стать своими. Универсализм христианства, в частности, проистекает из понимания сотворения Богом человека как такового. Особое внимание привлекает текст «Книги бытия», где Господь, благословив созданных им мужчину и женщину, определяет их жизненные задачи: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт., 1:28). Тема власти над природой звучит как программа, но здесь не говорится ничего об инструментах власти и, заметьте, нет ни слова об возможном владычестве человека над человеком. Здесь человек – представитель рода, собирательный символический субъект. Некоторые теологи, размышляя над исторической ретроспективой, увидели в этом фрагменте благословение человека на научные и технические открытия, которые не только ставили перед собой цель познать, использовать природу в своих целях, но и установить контроль над ней, что реализует власть человека над природой. Часто упоминают программу развития науки Ф. Бэкона, а также отношение к природе К. Маркса. Таким образом, стояние над природой было истолковано в смысле власти, а не ответственности. Но такая интерпретация возникает у теологов (Ф. Гогартен, Х. Кокс) в XX в., когда научно-технический прогресс и реализация политических программ заставил говорить о негативных последствиях урбанизации, секуляризации, о войнах, эпидемиях, уносящих миллионы человеческих жизней и о глобальных природных катаклизмах.

Гуманизм как локальный европейский проект и проблема гуманности

Истоки гуманизма, как правило, обнаруживают в период итальянского Возрождения, когда просвещенные умы того времени, христиане, предложили особый взгляд на человека, который во многом определил дальнейшую программу развития Европы в плане науки и политики.

В эпоху Возрождения в Европе гуманисты заявили о человеке как о самоценной индивидуальности, которая имеет свободу выбора и самовыражения, обладает неоспоримым равным достоинством и правом на самосовершенствование. Если говорить о самых первых гуманистах, то, осознавая свою просветительскую роль, они очень четко проводили границу между собой, т. е. элитой, и толпой, считая ее слишком невежественной и грубой. Гуманисты активно изучали и популяризировали ан-

тичное наследие, что было невозможно без знания древних языков и переводов древнегреческих, древнееврейских и латинских текстов; данная деятельность придавала особую значимость гуманитарным дисциплинам в деле развития индивида. Итальянские гуманисты не ставили задачу заменить средневековую систему знаний на новую, очень четко определяя свое место в старой, сложившейся системе. Гуманисты периода Возрождения не только познакомили просвещенных людей своего времени с сочинениями и переводами древних авторов Греции и Рима, но и заложили основы национальной литературы, создавая литературные памятники на родных им языках. Перевод Библии на немецкий язык сделал слово Божие понятным простому народу, а свобода восприятия и толкования священного текста, открытие противоречий в Писании, – все это будоражило воображение и способствовало постановке неудобных вопросов. Критический взгляд на любой текст, даже в отношении Библии – это реализация одной из сторон свободы человеческого духа, предтеча важнейших научных открытий. За эту возможность пришлось заплатить дорогой ценой, в частности, расколом христианства и появлением протестантизма. Духовная революция шла по многим направлениям.

Гуманизм в эпоху Возрождения, хоть и имеет светский оттенок, делая акцент на достоинстве личности, праве на свободу, необходимости образования и всестороннего творческого развития, все же сохраняет связь с христианством, которое больше тяготеет к этической программе совершенствования человека, предполагающей воспитание доброты, милосердия, смирения, терпения в отношении к ближнему. Христианство принимало идею равенства перед Богом, но не претендовало на реализацию идеи равенства перед законом, правового равенства. Жесткая политическая борьба и высокие идеалы Возрождения, расцвет науки и искусства – это две составляющие культуры того времени. Неудивительно, что «чужие» по культуре и вере в те времена не могли рассчитывать ни на понимание, ни на сострадание, не могли рассматриваться как равные по достоинству.

Очень часто эпоха Возрождения ассоциируется в нашем сознании с именами величайших гениев науки и искусства того времени, но при этом следует не упускать из вида ту жестокую борьбу за власть, которая кипела в Европе. Ведь именно в те времена начали складываться национальные языки и определяться границы будущих сильнейших держав. Кроме того, это был период географических открытий. Дальнейшая история Европы XVII–XVIII столетий повествует нам не только о небывалых успехах в развитии точных и естественных наук, но и о знакомстве со странами Востока, об активной деятельности по захвату новых территорий, об образовании колоний, о параллельном процессе реализации проекта по созданию государств либерально-демократического образца в метрополиях.

Возникает вопрос: а как глубоко были восприняты народами Европы гуманистические принципы, ведь они были рождены немногочисленной интеллектуальной элитой? Оказывают ли влияние в этот период гуманистические идеалы, в частности, на внешнеполитическую деятельность европейских государств? Распространялись ли гуманистические установки в те времена (XV–XVIII вв.) на всех людей или только на жителей европейских государств, чьи подданные восприняли программные идеи гуманизма? На мой взгляд, картина получается довольно интересная. Как бы то ни было, история показывает, что гуманистический проект совершенствования индивида периодов Возрождения и Просвещения имел скорее отношение именно к европейскому населению, и совсем не распространялся на новые подконтрольные территории, присоединенные в результате географических открытий. Гуманизм, оказывается, обслуживал не всех, а только «своих» по вере и культуре. Принадлежность к христианскому миру имела первостепенное значение.

Поиск новых торговых путей и открытие новых территорий, знакомство с неведомыми народами – все это происходило по инициативе европейцев, которые, ступив на чужую землю, напрочь забывали об абстрактных идеалах гуманизма, что было весьма удобно для решения практической задачи: обогащения и приращения территорий. Следует отметить некоторые эпизоды истории, которые иллюстрируют эту практику. Прежде всего вспоминают Христофора Колумба и его экспедицию 1492 г., когда он, спонсированный королем и королевой Кастилии и Арагона, отправился на поиски пути в Индию и открыл остров Багамского архипелага, хотя был уверен, что находится на острове близ берегов Азии. Местных жителей он назвал индийцами, полагая, что высадился именно в Индии. Он не мог и представить себе, что стал первооткрывателем не острова, а материка! Иначе и быть не могло, потому что в Библии не сказано ни слова об этом материке и его обитателях. Как могла Библия упустить такую «мелочь»?

Экспедиции европейцев в Америку поменяли представление о мире. Изменили они и жизнь покоренных народов: «за годы, отделявшие первое путешествие Колумба (1492) от высадки Кортеса в Мексике (1519), испанцы покорили Карибские острова и основали цепочку новых колоний. Для покоренных народов эти колонии были земным адом. Туземцы оказались под жестокой властью жадных и беспринципных колонистов, которые убивали всякого, кто мало-мальски пытался им сопротивляться. Местное население было обращено в рабство, индейцев заставляли работать в рудниках и на плантациях... За 20 лет почти полностью исчезло исконное население Карибских островов и на замену индейцам испанские колонисты стали завозить рабов из Африки» [4, с. 355]. Таким образом выясняется, что можно быть христианином и одновременно рабовладельцем, а высокие идеалы гуманизма к профессиональной деятельности могут не иметь отношения. Однако человеку

свойственно оправдывать себя. И европейцы придумали себе замечательное оправдание, убеждая себя и покоренные народы в том, что именно на европейцев возложена высокая цивилизационная миссия просвещения этих народов, хотя они ни о чем не просили завоевателей. Фиговый листок этого заявления прикрывал жажду власти, обогащения за счет новых природных ресурсов и контроля над территориями. Не за горами было и теоретическое обоснование расизма на базе новых данных таких, как антропология и сравнительная лингвистика. История показывает, что прием навязывания своей воли через право сильного, вторжение в дела других государств под «благовидным предлогом», использование гуманистического посыла как ширмы, за которой скрываются политические корыстные интересы, останется отработанной моделью политического поведения многих западных государств впоследствии.

Европейцы не собирались делиться своими политическими правами с жителями колоний, а использовали их в своих целях, нисколько не заботясь о последствиях своей цивилизационной миссии. Разгром империи ацтеков, инициированный Кортесом и его солдатами, привел к страшным результатам: «всего за 100 лет со дня высадки в Веракрусе коренное население Америки сократилось вдесятеро. Выжившие оказались под пятой алчного расистского режима, гораздо более жестокого, чем ацтекский» [4, с. 358]. Все это происходило в эпоху Возрождения. Вазари писал об одной стороне жизни, а Макиавелли немного о другой... лишенной гуманности в смысле конкретного человеколюбия.

Еще один пример того, как представители христианского мира, не обремененные идеалами гуманизма и почуявшие запах денег, проявили себя по отношению к коренному населению – их деятельность в Колумбии, где были обнаружены колоссальные залежи серебра, скрытые в горе Потоси. Автор книги «Хроника Перу» Сьера де Леон упоминает испанца по имени Вильероэль, который в 1547 г. отправился к горе Потоси с целью разведки месторождений серебра и обнаружил там его огромные запасы [2]. И вот Потоси с 1556 по 1783 гг. становится центром разработки серебра в Южной Америке и источником богатства и процветания испанской короны. Местные жители заплатили высокую цену за процветание Испании. Индейцы кечуа, которых обратили в рабов и заставили работать на рудниках за миску еды, быстро вымерли от тяжелого труда и нечеловеческих условий жизни. Их место заняли африканские негры, которых привозили сюда по мере вымирания их собратьев. Историки полагают, что за период с начала разработки шахт и до 1824 г., когда они практически иссякли, в одноименном городке Потоси погибло около 8 000 000 шахтеров. С 1556 по 1783 гг. здесь было добыто 50 000 тонн чистого серебра. «Серебряная лихорадка» привлекла в этот район многих искателей богатства из Европы, что привело к росту поселка и превращению его в город, население которого колебалось в период активной добычи серебра от 160 000 до 200 000 жителей.

Напомню, что когда серебро иссякло совсем, в поселке осталось 10 000 человек! Да, колонизаторы строили там католические соборы, дворцы и виллы невероятной красоты, но делали они это все для себя, окружая себя привычной обстановкой и заботясь о том, чтобы не потерять связь с Богом и чтобы им по мере необходимости священники отпускали грехи. Местных жителей тысячами отправляли на встречу с Творцом, не видя в них ни людей, ни тем более ближних. Принципы гуманизма на местных жителей и негров не распространялись.

XVII столетие – не только век гениев науки, но и очень сложное время, когда происходит множество войн между европейскими государствами с одной стороны, и борьба за присвоение колоний, с другой стороны. Помимо колоний в Южной Америке, в начале XVII в. появляются также колонии в Северной Америке. Начало колонизации инициируют Англия (Джеймстаун, 1607), Франция (Квебек, 1608), Голландия (Новый Амстердам, 1625). Создаются мощные торговые Ост-Индские компании – Английская (1600), Голландская (1602), Французская (1664). Таким образом, в течение этих лет главные игроки на европейской политической сцене активно контролируют мировую торговлю. Примером ее монополизации служит деятельность голландской Вест-Индской компании, которая получила монопольное право на торговлю и колонизацию в Америке и Западной Африке; Ост-Индская Голландская компания монополизировала торговлю с Китаем, Японией, Цейлоном и Индонезией, ведя торговлю чаем, медью, серебром, текстилем, шелками, керамикой, пряностями и опиумом.

Если оценивать состояние европейской культуры с XV по XVIII столетие, то мы увидим воочию огромные достижения европейской науки, обеспечившие в дальнейшем существенный технический прорыв, следствием которого станет появление более совершенного оружия, которое определит в дальнейшем не только исход в противостоянии с Османской империей, но и дальнейший передел европейской политической карты. Мы увидим бесспорные успехи по реализации еще одной стороны гуманизма как проекта – совершенствование государственных институтов. Процесс колонизации заставил европейских завоевателей изучать языки и культуры поработенных народов, чтобы более эффективно ими управлять, что заложило основы будущего востоковедения; огромные богатства колоний обеспечивали материальную основу метрополий и их граждан. Гуманистический идеал свободы и совершенствования человека европейцы воплощали главным образом у себя дома, не проявляя гуманность к тем, за счет кого они это делали (во внешней политике).

В период Просвещения свобода творчества и научных исследований на фоне критики невежества и суеверий провозглашаются и воплощаются в жизнь с новой энергией. Призыв к веротерпимости, объявление вопроса веры частным делом личности – это очень серьезный шаг

по укреплению индивидуализма в европейском обществе. «Декларация прав человека и гражданина», утверждающая свободу, равенство в правах, унификацию субъекта права, священство собственности, право на безопасность и сопротивление угнетению, – важнейший политический документ того времени и пример продолжения гуманистического проекта. «Декларации», как американская, так и французская, разъясняли гражданам их права. Тогда были заложены основные принципы конституционного строя будущих государств либерально- демократического правового типа. Однако всем этим правовым богатством европейцы не собирались делиться с жителями колоний, которые в общем-то были частью населения империй. Гуманность отступала на задний план перед возможностью быстрого обогащения.

От локального гуманистического проекта к универсальному его воплощению

Расовые теории, появившихся вследствие лингвистических исследований на базе новых «научных» данных антропологии и изучения языков на новых подконтрольных территориях, очень четко распределили места в истории между представителями «арийской расы» и всеми остальными. Расизм стал объектом веры и замечательно уживался с европейскими успехами в науке, искусстве и политике, с отстаиванием прав европейского (или «белого» – в США) человека.

Приход к власти фашистского режима в Германии и трагедия Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней, – это пример парадоксальной, трагической реализации «гуманистического проекта» в отдельно взятом государстве *в расистском ключе без гуманности*. В изначальной идее воскрешения экономики Германии, пострадавшей после Первой мировой войны, нет ничего предосудительного. Напротив, государство должно заботиться о процветании своей экономики и граждан, а также о том, чтобы упрочить свое положение на мировой арене. Но вопрос: какими средствами?

История показывает какие страшные последствия имеют действия политиков, которые игнорируют нравственные ценности, добиваясь власти и экономического могущества любой ценой. Нацистский режим предложил свою версию расовой теории, которая отличалась от общепринятой в Европе: в список арийцев теперь уже не попали некоторые представители европейских государств, «белого» населения. Реакция на новое прочтение расовой теории была однозначной: европейские и другие народы не захотели участи индейцев и негров. В США была своя расовая история: там список «небелых» в разных штатах США корректировался не только в зависимости от цвета кожи, но также зависел от интенсивности потока иммигрантов: итальянцы в 20-х гг. XX в. не считались «белыми». Расизм в США сохранялся даже при наличии законов против расовой дискриминации, после объявления

бывших рабов свободными, вплоть до начала движения, возглавленного М.Л. Кингом в 60-х гг. XX в. Расизм и демократия оказались вполне совместимы внутри США: да, цветное население формально имело все права, но реализовывались они не везде. Расизм и демократия вполне уживались в условиях колониальной системы, сохранявшейся до середины XX столетия. Ни одно европейское государство не имело намерения добровольно отказываться от своих колоний.

Проект гуманизма развивался дальше, о чем говорит появление документа, который стал его новым достижением: «Декларации прав человека» 1948 г. Она была подписана более чем пятью десятками суверенных государств и переведена практически на все языки мира, что способствовало ознакомлению с текстом представителей разных народов, в частности и тех, кто был под колониальным игом. Жители колоний понимали разницу между способами своего бытия и граждан метрополий, а главное, самые образованные из них научились творчески и вдумчиво относиться к юридическим документам, определявшим их существование. Юридическая деятельность – это инструмент решения проблем, и впоследствии творческий подход к интерпретации «Декларации прав человека» 1948 г., привел к краху колониализма. Европейские государства, имевшие колонии, были обыграны юридически на их собственном поле: понятие «человек» изначально подразумевало европейца, гражданина метрополии; однако понятие «человек» имеет и предельно широкий смысл, как «любой» человек, человек как таковой, представитель рода. Интерпретация данного термина в широком смысле привела к серьезным юридическим последствиям: права на свободу, равенство, саморазвитие жителей колоний были установлены, что невозможно осуществить без права на независимость территорий.

Таким образом, гуманистический проект в правовом и культурном направлениях стал распространяться вширь. Программы ЮНЕСКО, привлекая западных специалистов, помогали новым государствам реализовать проекты, связанные с образованием и культурой.

Развитие новых средств коммуникации, трансляция через СМИ западных ценностей, попытки выдать свой стиль жизни за общечеловеческий, проекты, способствующие модернизации азиатских экономик и вестернизации иных цивилизаций стали основами процесса глобализации. Результаты глобализации (позитивные и негативные) еще предстоит по достоинству оценить, однако ставка на первенство в научно-технической сфере и как следствие, гонка вооружений, выстраивание политических институтов по европейским образцам на основе консультаций западных политиков – это все продолжение гуманистического проекта, который реализуется новыми средствами и в новых условиях. Массовые попытки получения гражданства в европейских государствах беженцами, потерявшими кров в результате военных конфликтов, а

также людьми, прибывшими на Запад в поисках лучшей жизни, обусловлены не только тяжелыми жизненными условиями, но и их пониманием прав человека.

Они требуют к себе уважения и гуманности, однако европейские государства не всегда уважают их права. С другой стороны, сами вновь прибывшие ведут себя неуважительно к гражданам принявшего их государства и часто не могут вписаться в новую культурную среду, что предполагает обязательное знание местного языка, законов, прав и обязанностей, норм общежития, поведения и общения.

Если говорить о миграции жителей бывших колоний в метрополии, то здесь все обстоит благополучнее хотя бы потому, что традиционно изучается язык завоевателей. Огромную роль играют диаспоры и принимающие государства, организующие специальные программы для адаптации к новым культурным условиям. Но расизм никуда не исчез. Появился «культурный расизм». Сегодня на фоне перенаселения западных государств выходцами из других традиционных культур, говорят уже об опасности смерти европейской цивилизации и о невозможности преодоления культурных границ, которые обусловлены иными традициями, менталитетом и верованиями. По телевидению нам показывают акты вандализма, инициированные то арабами в Париже, то чернокожим населением в США... Многие европейские граждане выступают против приема беженцев, считая их количество избыточным. И вот уже появляется тема гуманного отношения к людям и культуре. Возникают два вопроса: что с этим делать и куда подевались веротерпимость и толерантность, о которых столько говорят в Европе?

Совершенно очевидно, что *гуманистический проект, начавшийся локально, спустя столетия стараниями европейской науки и политики, а также капитала, стал проектом универсальным.* Идея непреодолимости культурных различий – это мечта вернуть европейский гуманистический проект в локальное русло, однако вряд ли теперь это получится.

Наука, политика и капитал сосуществуют в неразрывном единстве. Исследования финансируются теми, кто в них заинтересован, особенно такие разработки, которые увеличивают политический вес и прибыль государства или частного лица. С одной стороны, в процессе глобализации возникло единое информационное поле, позволяющее приобщиться к новейшим научным достижениям; с другой стороны, оно стимулирует соперничество между государствами за право обладания этими достижениями с целью их внедрения для достижения большей прибыли. Сфера знаний и информации интернациональна и существует без видимых границ. Свобода творчества есть, возможность реализации плодов творчества зависит от корпоративных интересов и заинтересованности рынка. Почти 90 лет тому назад Н. Рерих в работе «*Mutatis Mutandis*» писал об опасности безответственного научного творчества и

указывал на возможность превращения его плодов в инструмент злодеяния против человечества: «Не мирную ли премию мечтает получить по химии ученый, изобретший газ наиболее смертельный? Ведь кто-то и сейчас, в эту самую минуту, мечтает о таком достижении науки, чтобы сразу одной братоубийственной посылкой умертвить целые населенные местности. А, может быть, другой просвещенный ученый мечтает о “счастливым” отравлении всех вод, чтобы все живущее погибло. На это мне скажут – это не ученые выдумывают такие убийственные вещи, это техники, инженеры. Нет, милые, без ученых познаний такой убийственной мерзости не выдумаешь» [5]. Может быть, мысль Рериха о необходимости оценки научных достижений с точки зрения их блага для человечества для последующего внедрения в жизнь вызовет улыбку, дескать, кто же это будет решать в условиях рыночной экономики... Однако к его суждениям имеет смысл прислушаться, тем более что он стоял горой за прогресс культуры: «А ведь дело могло бы значительно упроститься, если бы ученые, подобно клятве медиков, поклялись не выпускать из лаборатории никакого вредоносного открытия, тем более, что многие из этих ужасных газов и лучей, может быть, только одним ингредиентом, могут быть обращены на истинную пользу человечества. “Mutatis mutandis!” В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене. И прежде всего надо начать переменять то, что во вред, и то, что на пользу. Не прикидывайтесь дурачками, будто вы не знаете то, что есть на пользу. Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общественности» [5].

Просвещенным людям особенно сегодня совершенно понятно, что вовлечение в европейский гуманистический проект различных государств, а шире – различных культур – привело не только к позитивным, но и к негативным последствиям: мы видим истощение природных ресурсов, экологический кризис и, в частности, проблему загрязнения природной среды мусором и радиоактивными отходами, угрозу войн, эпидемий. Все это – «побочный продукт», созданный союзом науки, капитала (рыночной экономики) и власти. Союз науки, политики и денег в условиях рыночной экономики очень прочен. Вливание денежного ресурса демонстрирует, что именно определяет магистральную линию развития государств. Без такого союза прогресс невозможен. Идея нравственности не определяет жизнь данной триады. А хотелось бы, чтобы у политики была реальная этическая составляющая. Социально ориентированные государства Скандинавии показывают, что это возможно.

В произведениях крупных философов прошлого (у Ницше, Фрейда, Хайдеггера, Сартра, например) очень четко слышна критика идей гуманизма, как, впрочем, и во многих современных работах, кри-

тикующих гуманизм. Я полагаю, что следует критически относиться не к гуманизму «вообще», а к целям, задачам и самой деятельности указанной триады: науки, политики и бизнеса. Именно они определяют материальную и духовную составляющую жизни граждан, и если в их совместных начинаниях нет места для нравственной оценки собственной деятельности, контроля, то гуманизм как проект будет продолжаться, умножая проблемы и негативные последствия для человека и среды его обитания. Гуманность пока остается в дефиците, но она обязательно в перспективе станет важной составляющей человеческой деятельности, потому что еще более отчетливо будет осознана угроза взаимного истребления посредством войн, а также перспектива экологической катастрофы. Уже в XX в. на уровне международных законодательных инициатив заговорили об охране природы, о защите животных (Всемирная Декларация прав животных; Европейская Конвенция по защите домашних животных; Конвенция по охране всемирного культурного и природного наследия; Конвенция о биологическом разнообразии и др.). Однако самым главным для реализации благих замыслов, заложенных в этих документах, является воспитание в обществах гуманного отношения людей друг у другу и ко всему, что их окружает в природе. Дальнейшее развитие гуманистического проекта должно быть связано с нравственными ценностями. Со временем значимость этической составляющей жизни будет переосмыслена в русле гуманности. Дело в том, что без должного воспитания наличие законов не означает их качественного соблюдения.

Я абсолютно согласна с мнением китайского профессора Ань Цинянь: «...рыночная экономика и политическая демократия и являющиеся их основой идеи гуманизма западного мира уже стали всеобщими ценностями. Очевидно, что возникшему в эпоху Возрождения гуманизму до сих пор еще не брошен всеобщий вызов. Дело в том, что использование научной рациональности и достижений промышленности привело к погоне за материальным богатством» [1, с. 205]. Эта погоня продолжается, а действенного отрезвления не предполагается. «Гуманизм, имеющий хождение на Западе, вместе с основанным на нем стремлением к материальному богатству по-прежнему является повелителем сегодняшнего мира» [1, с. 209].

Бросить серьезный вызов гуманизму эпохи Возрождения ничего не стоит: критиковать идеалы и изначальный проект просто, ибо в давней истории уже ничего не изменишь и прежние правители и «денежные мешки» не принесут неудобств и неприятностей, а главное, не оставят без средств. А вот обратиться сегодня к критике традиционной для капитализма триады – дело небезопасное, учитывая тот факт, что наука корпоративна и стала частью рынка, напрямую и опосредованно от него зависит, зависит от воли бюрократии. В истории были особые люди, которые прямо заявляли о том, что степень прогрессивности культуры за-

висит от степени нравственности людей, включенных в неё. Об этом говорили русский общественный деятель и философ Н. Рерих, а также лауреат Нобелевской премии мира А. Швейцер и многие христианские философы, ведь для них проблема души человеческой имеет особое значение. Возникает вопрос: что должно произойти такого трагического, что сделает заботу о нравственности важнейшей задачей воспитания, от реализации которой зависит качество политики, экономики и культуры? Какой катаклизм встряхнет всех так, что заставит вдруг остановиться и пересмотреть свое отношение к ближним и дальним, к своей деятельности и к проблемам, порожденным научно-техническим прогрессом?

История гуманизма как западного проекта подтверждает, что у каждого явления есть позитивные и негативные стороны. Изменение его статуса – от локального состояния к универсальному – означало появление новых трудностей и противоречий на фоне изменения экономико-политических трансформаций деятельности государств и сообществ. Негативные последствия сохраняются, но главная задача – свести их к минимуму. Борьба с бедностью и нищетой – важнейшая задача. Когда человек голоден и ему не на что и негде жить, когда безработица заставляет его отправляться на поиски работы за пределы своего государства в чужую культурную среду, то часто принципы нравственности вытесняются инстинктом выживания любой ценой. Мне могут возразить, дескать, не это ли – свобода? Нет, не это. Это – новый тип рабства, которое происходит от равнодушия политико-экономической системы не только к «чужим», иммигрантам, но и к своим. Государство должно выступать гарантом достойной жизни, но чтобы это произошло, необходимо понимание, что достоинством обладают не только те, кто имеет статус и огромные доходы, но любой гражданин. Идея достоинства человека – важнейшая составляющая гуманистического проекта и не везде она воплощена в жизнь. «Появившийся в эпоху Возрождения гуманизм способствовал расцвету Европы, из Европы он распространился по всему миру, однако в конце концов человек превратился в созданную им, этим гуманизмом, машину, раба общественной среды, при том здесь не было места морали» [1, с. 207–208]. Пока у гуманистического проекта не появится нравственное измерение, а понятия «совесть», «честь», «ответственность» не станут атрибутами деятельности упомянутой триады, вряд ли жизнь человека в условиях современной культуры станет более счастливой и благополучной. «Всемирная история, – пишет Ань Цинянь, – это история попыток осуществления гуманизма, опираясь на научную рациональность и промышленную цивилизацию. И одновременно это история тех опасностей, которые подстерегали гуманизм на этом пути. Другими словами, это история самоотрицания гуманизма» [1, с. 204]. Я полагаю, что это история лишенного гуманности гуманизма.

Список литературы

1. Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.
2. Сьера де Леон, Педро де. Хроника Перу. Часть Первая / под ред. А. Скромницкого. Киев: Blok.NOT, 2008. 384 с. [Электронный ресурс]. URL:https://www.indiansworld.org/Nonmeso/pedro_cieza_leon_peru7.html#.X8C-DRZR1PY (дата обращения: 24.08.2021).
3. Фролов И.Т. Вступительное слово // Человек–Философия–Гуманизм: Основные доклады и обзоры Первого Российского философского конгресса (Санкт-Петербург, 4-7 июня 1997 года): в 9 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. Т. IX. С. 14–18.
4. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм]. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
5. MUTATIS MUTANDIS. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.icr.su/node/744> (дата обращения: 24.08.2021).

WESTERN HUMANISTIC PROEJECT: FROM LOCAL INCARNATION TO GLOBAL

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Humanism is a European project that has been criticizing by well-known philosophers for a long time. They talk about the crisis of humanism, about the curtailment of the project and even about its self-denial. My point of view is such: humanism as a project is an imaginary reality and an object of faith; on the other hand, humanism is a socio-political reality because it has been fulfilling through an instrument of power. Due to its dual nature, it cannot be fully implemented as only positive reality. This short article is an attempt to show that from local European (Western) project humanism is turning into universal project and negative consequences of it's implementation are associated with the absence or weakness of the moral component such as humanity.

Keywords: *humanism, local humanism, humanity, philosophy of culture.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD., Assoc. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver, E-mail: star63@yandex.ru